Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 зр. 20 кр. чвертр. 1 зр. 10 кр. на мѣсяцъ 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирае ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 9. Львовъ, 23 Лютого 1856. РОКЪ IX.

ЧЕРНЕЦЪ - ОПОКА.

I.

Нейди дѣду самъ по ночи!
Густый лѣсъ, ослабли ноги —
Блудъ обхопитъ твои очи,
Уведе тя изъ дороги.
Въ густомъ лѣсѣ — въ сутечахъ,
Гнѣздитъ лютый гайдамахъ.

* * *

Въ Закопаню тамъ поросъ —
Глухій, густый, темный лѣсъ.
Скулятъ волцы въ байракахъ,
Гнѣздитъ въ лѣсѣ гайдамахъ —
Гайдамаха превеликій.

Тремтитъ листье у осики;
Гайдамаха взялъ саблюку,
Въ покаляну кровлевь руку,
А за поясъ острый ножь
На лупежу, на грабежь
Зъ скалубинъ твердыхъ опокъ,
Пустилъ лѣсомъ лестный крокъ.

Середъ гаевъ и дубравъ,
Вихоръ силенъ дути сталъ;
Гайдамаха зморщилъ бровы,
Зачаился — бажилъ крови.
Потемнѣло глухо всюды —
Повертаютъ зъ мѣста люде.

Стоитъ въ полю дубъ схиленый
Иде старый дѣдъ сгорбленый.
На поверху у коркошей
Несе спорый мѣшокъ грошей;
На торзѣ въ соседномъ мѣстѣ,
Продалъ волики перисты.

Чорны хмары вѣтеръ знесъ
Иде старикъ въ густый лѣсъ,
Въ густомъ лѣсѣ темно - глухо,
Часомъ шепне вѣтеръ въ ухо —
Засковиче звѣръ лѣсовый,
Збудитъ въ дебрахъ сонъ гробовый,
Иде старикъ стежковь бмтовь
Йдучи шепче все молитовъ.

Потьма спала на обшары,
Забрилъ мѣсяць въ чорны хмары,
Поминувши гай — лѣщину,
Вступилъ старикъ у ялину.
Иде, трясесь на немъ тѣло;
Щось въ ялинѣ зашумѣло,
Мовь чмихнулбы дикій волкъ
И знова тихо - шмиръ умолкъ —
А не збачилъ старикъ лиха;
Якъ гадюка легко, зъ тиха
По при корчи сунесь пакъ,
Все ко стежцѣ, а оттакъ
Щось якъ сабля въ потьмѣ лисло,
Верглось, крѣпко дѣда стисло,
Якъ бы громомъ въ одинъ мигъ.
Старовина весь застигъ —
Майбы опустила мова,
Онъ заледви добулъ слова. (П. с.)

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЬ II.
ВЛАДЫКА ЧОРНОГОРІИ.

Образъ ведля розговоровъ его сочиненъ доктором Карара.

Кождый путешественникъ, который переѣзжаючи Дальмацію мимоходомъ и въ сто-

личный городъ Чорногорїи Цеттинье загостилъ, описовалъ или словомъ или рисꙋнкомъ владыкꙋ такъ, що майже кождый Європейчикъ о особѣ кнѧзѧ того, его видѣ, составѣ и одежѣ, где нещо зналъ розповѣсти. Но никто доселѣ, о сколько менѣ свѣдомо, сердце, дꙋха и характеръ мꙋжа того не понѧлъ или понѧти не старалсѧ. Онъ въ правдѣ былъ ровно со своимъ государствомъ, великомꙋ свѣтꙋ знаемый, но въ очень обезображенный и не совершенный способъ. Где не котры признавали его за грека, такъ що до вѣры и до слова; дрꙋгїи же называли его простодꙋшнымъ и благороднымъ мꙋжемъ; сей почиталъ его генїемъ, тотъ варваромъ; одны величали его великꙋю библїотекꙋ, дрꙋгїи же вспоминали лишь о флашкахъ шампанского и бордоского вина на его пирахъ; современно представлено также его ꙗко поета, дипломата, мꙋжа постꙋпꙋ, и начальника розбойничой шайки.

Изъ книжокъ и оповѣданїй инныхъ, ꙗ не могъ его познати, но мнѣю, що по розговорахъ позналъ и понѧлъ довольно. Теперь, коли онъ принадлежитъ исторїи, коли не есть вже самодержцемъ, но ꙗко порохъ въ порохъ обернꙋлсѧ, теперь скꙋшаюсь тїи черты, которы менѣ его срозꙋмѣтелнымъ здѣлали, також и дрꙋгимъ оудѣлити. Черты тїи видатсѧ менѣ характеристичны, и ꙗ дꙋмалбы, що они и иннымъ больше може, но ꙗвко не менше изобразѧтъ, ꙗкъ временописи всѣхъ европейскихъ краевъ, въ своихъ повтарѧющихсѧ бїографїахъ сего владыки. Оповѣдаю голы событїѧ; читатель самъ нехай рѣчь осꙋдитъ.

Года 1846 былъемъ въ Спалато (въ Далмацїи) оу владыки, где також и шотландчикъ А. А. Патонъ найшолсѧ, который въ часѣ неприсꙋтствїѧ первого, Черногорꙋ объѣхалъ, а потомъ занимательны описы пꙋтешествїй издалъ, ониже въ Лондонѣ напечатаны были подъ заглавїемъ „Highlands and Islands of the Adriatic." Заледвы почꙋлъ владыка имѧ господина Патонъ, тожь и споглѧнꙋвши на него достойнымъ глипомъ озвалсѧ:

— Вы были въ Черногорѣ; благоволѣтъ менѣ сказати, що тамъ достопамѧтного видали?

По короткомъ отвѣтѣ говорилъ дальше:

— Вы ничь не видали, єли не бачили владыкꙋ, понежи все що есть въ Черногорѣ, то есть владыка.

Господинъ Патонъ отповѣдалъ такъ ꙗкъ мꙋжъ повенъ дꙋха былъ долженъ, но владыка продолжалъ живо:

— Мой господине! принадлежите великомꙋ народꙋ, краеви свободы, але чи знаете где е истинна свобода? —

— Въ Черногорѣ! а ꙗ — ꙗ ключи держꙋ отъ ней."

Потомъ обернꙋвшисѧ до мене мовилъ онъ:

— А вы, вы опишете Далмацїю (по тотъ часъ печаталосѧ дѣло: La Dalmatia descritta), чомꙋжь не пойдете въ Черногорꙋ, щобъ и ею описати? Здѣлайте тое, скоро лишь вамъ прилꙋчитсѧ, але освѣдомѣтъ мене въ попередъ, щобы ꙗ вамъ кони и двохъ вѣрныхъ моихъ до Каттаро могъ послати. Ꙗ обознаю васъ съ цѣлымъ краемъ; ꙗ покажꙋ вамъ его помѧнники и найзначнѣйшїи побоевища; ꙗ вамъ все, що доселѣ собралъ оудѣлю, такожде и тое, що инностороны пꙋтешественники о немъ писали: вы все обачите и познаете, що англичане и нѣмцы доселѣ не бачили, и не знаютъ; а такъ бꙋ-

дете въ возможности, Европ8 освѣдомити съ краемъ, который во истинно доселѣ былъ ей неевѣдомый. Найдете оу мене невеличк8 библїотек8, нѣсколько ж8рналловъ, добры кони, добрый тютюнъ, скромный обѣдецъ, нѣсколько флашокъ шампана, и якъ найискреннѣйш8 гостинность. Пресвѣдчитеся, що Черногора не есть краемъ варварскимъ.

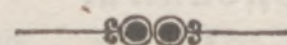
Коль прощалься, промовилъ до господина Патона слѣд8ючими словами:

— Тѣшитъ мя тое д8же, що съ вами запозналься. Єли бы знову коли повернѣлисте, тожь не понехайте посѣтити п8стинника въ Цеттинѣ. Познаете край, который николи не погибне, понежи онъ жїе во вѣрѣ и въ надеи.

До тихъ словъ прил8чилося такожде и искренное р8костисненье; при томъ говорилъ владыка по славяньски, по франц8зски, по италїаньски, и по нѣмецки.

Въ мѣсяци Юлїю т. р. сойшолемь ся опять съ владыкою въ мѣстѣ Гитцингъ коло Шенбр8на. Подавалъ д8же лихо. Чорное долгое волосье и чорна борода, котора очеркнена пох8днѣлого лица обмежала, отзначали тѣмъ больше блѣдость его; очи его были непогожи и запалыи, голосъ слабый, а отдыхъ неправильный. Со мною пойшолъ былъ и лицарь Нейгебавръ, который такожде одно нимъ описане п8тешествїе отправилъ по Черногорѣ, Далмацїи, а 1850 рок8 владык8 навѣстилъ, и очень прїятно былъ нимъ оугощенный. Владыка говорилъ о состоянїю своего здоровля, которе не мнѣлъ за такъ опасное. По взорѣ, по его складѣ, по зв8цѣ его голос8, познали мы въ немъ нед8жного, но когда почалъ о Неаполю говорити, где перебылъ последню зим8 для пол8чшеня своего здоровля, когда о чаровномъ розположенїю того мѣста, о бальсамичномъ возд8сѣ и о синавѣ неаполитанского неба почалъ розповѣдати, тожь опять взмагалься его голосъ, его лица червонѣли, а неослабленный д8хъ видѣлось, же освободился отъ вязовъ хорого тѣла. Въ такихъ то описахъ, познали мы его яко поета.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ, вышло въ Липск8 сочиненїе отъ Найгебавра: „Югославяне," въ которомъ то сочиненїю и его п8тешествїя по Далмацїи и Чорногорѣ описаны были. Не дивъ про тое, же владыка справилъ розговоръ на тотъ же предметъ. Онъ примѣтилъ, що еще не пол8чилъ той книжки, але якъ найскорше читати ею желае, понеже якъ мовилъ, онъ по любвѣ, котор8 сочинитель къ краямъ тимъ объявилъ и по способѣ от8ды надѣеся, що тою книжкою неправости и погрѣшенїя неоднихъ нѣмецкихъ п8тешественниковъ, который легкод8шно на Далмацїю и Чорногор8 смотрѣли, справленны б8д8тъ. (П. с.)

КОРЖБУРІЙ ПОПЕЛЮХЪ.

Казка народна.

Продолженїе.

Якъ поѣхали, пойшолъ до своей стаенки, подивился першом8 коневи къ 8ух8 а на немъ вся одежь подъ золотомъ; подивился др8гом8, досталъ палашъ б8латовый, а треттом8 якъ подивился, досталъ сил8 д8же велик8; сѣлъ на коня, такїй блискъ, така ясность, же не можь и выповѣсти; а конь! оу царей такїи кони що ажь огнемъ сиплютъ — але где где, на того якъ сѣлъ, полетѣлъ вѣтромъ.

Прїѣзжае передъ дворъ, а тамъ всѣ князи поставали; бо где на кони на др8гїй поверхъ выскочити!? но якъ его оувидѣ-

*

ли, то всѣ здумѣлися; кожь то и конь, и вся одежь и палашь, все подъ золотомъ, а отъ того такій блескъ, така ясность! Лише передъ окно приѣхалъ, гоцъ — а вже на другомъ поверху, а тамъ царовна стояла; подалъ ей руку, поцѣловалъ ею, зналъ золотый перстень, заложилъ ей на палецъ, а она ему свой заложила; потомъ выхопилъ дуже дорогу хустку, на половинѣ роздеръ, далъ ей половину, а половину взялъ собѣ, оттакъ вскочилъ на коня, и полетѣлъ съ вѣтромъ, що ажь всѣ выдивили, и здумѣлися, и не знали ничь що ся зробило.

Якъ приѣхалъ домовъ, завелъ коня до стаенки, подивился ему въ друге ухо, а одежь зъ него спала, сабля сховалася, а онъ знову влѣзъ въ пепелъ, тай бавится. Надъѣздатъ его брата а онъ пытаєсь:

— Ну, и що же, зъорудовалисьте тамъ где що?

— Иди дурный иди!

— Я я зъорудовалъ.

— Угу на тя! —

Оттакъ почали отцю розповѣдати:

— Татуню! татуню! тамъ якъ якійсь князь надъѣхалъ, на золотомъ кони, самъ подъ золотомъ съ золотою саблею, — такій блискъ отъ него ударилъ, же не можь наповѣститися; якъ скочилъ на другій поверхъ — дали собѣ руки, поцѣловалися, дали собѣ золоты перстени, та хустку дуже дорогу межи себе роздѣлили, а потомъ князь сѣлъ, та поѣхалъ съ вѣтромъ, що ажь всѣ видивили и здумѣлися. Я дурный повѣдае:

— Та то я самъ.

— Иди дурный, угу на тя!

Оттакъ минулъ и рокъ, якъ заручился дурный съ княгинею; сбираются вже и весѣлье робити. Закимъ наслѣдовало тое, повелъ онъ отца до своей стаенки, показалъ ему свои кони, потомъ взялъ собѣ коня изъ солнцемъ, а тамты далъ своимъ братамъ. Оттакъ подивился коневи въ ухо, а на немъ вся одежь и палашь золоты стали, и силу досталъ велику: такъ взяли, посѣдали, тай разомъ двинули. Скоро лишь прискочили, дурный сей часъ посадилъ на другій поверхъ, а брата его остали на долинѣ. И ужь идутъ чимъ скорше до слюбу. Взяли слюбъ, а дурный сей часъ пойшолъ на войну съ погаными царями: не малъ вже коли и обуду зъѣсти.

Приѣхали на олованый мостъ, дурный далъ своимъ братамъ держати коня, выправилъ ихъ къ лозинѣ и мовитъ:

— Молѣтъ Бога, щобы я не згибъ, понежи буду тутъ войну мати.

Самъ влѣзъ подъ мостъ, подъ мостомъ сидитъ. Надъѣздитъ поганый царь, конь его на мостѣ дунулъ, а онъ до него повѣдае:

— Крукъ бы тобѣ, воронъ бы тобѣ кровъ пилъ! чи не ѣлъ есь, чи не пилъ есь? такого нема, щобы мене побѣдилъ, хиба якъ чути Коржубрый попелюхъ, алежь и воронъ кость его тутъ не занесъ бы!

Я тотъ повѣдае зъ подъ мосту:

— Про що бы воронъ кости мои носилъ? я самъ ихъ ношу.

— Чи ты тутъ?

— Я тутъ! тутъ!

— Ходи сюда, будемъ со собою воювали!

Тотъ вылѣзъ зъ подъ мосту, взялися на самъ передъ брати. Якъ Коржубрій Попелюхъ заправился, ударилъ нимъ о мостъ такъ, що и мостъ розвалилъ нимъ, якъ заправился другій разъ, сталъ поганому одну голову и другу.

Пойшовши до своихъ братей, взялъ коня, и гнеть почали съ вѣтромъ гнати

на дрȣгȣ войнȣ. Повѣдае до своихъ братей:

— Но брата! Богъ помогъ окончити однȣ войнȣ, кобы ще Богъ допомогъ дрȣгȣ и третȣ! (П. с.)

КАРТАРИ

образецъ изъ жита городского.

(продолженіе)

По улицахъ рѣдко и глухо, чути лишь посвистована веселыхъ колокотовъ, розпȣстный реготъ и торкотъ проѣзжаючой кариты. Мелкаютъ свѣтла зъ оконъ и зъ запаленныхъ лихтарнѣй, а ꙗкъ спогланешь долгою улицею, то ꙗкъ бы двѣ огнистыи винды розпростерты палали. Склепы и крамницы заперты, но цукерни и каварни стоꙗли на розтворъ съ пожертвованїемъ майже и цѣлой ночи для тихъ, що то въ ночи починаютъ жити. Вступимъ до одной каварни.

Ꙗкъ бы густый, осенный сумракъ лишь инной барвы, розстелился тютюновый дымъ всѣма комнатами, и закаулками. Въ комнатѣ на лѣво отъ дверїй, стоитъ одинъ, а въ той право дверїй дрȣгїй билꙗрдъ. Крики, розговоры, лусканье патиковъ и отбивающихся кулей, творили дивный несоголосный ꙗрмарочный гаморъ. Дивна то играшка и забава, думае собѣ книжный похопивши съ жаждою за першȣ лучшȣ часопись, и усѣвши въ кȣтикȣ затапляеся всемъ духомъ въ новинахъ и розправахъ ученого свѣта. И во истинно! суть люди которы граютъ день и ночь въ билꙗрдъ, а не знаютъ для чого; долгїй тотъ часъ наутамится неразъ попоѣвшомȣ кудной гузарской печенѣ, що и мимохоть затꙗгне щось до каварни, а найтꙗжше разъ, тожь и знорокится. Не разъ не одинъ паничикъ не попоѣсть добре въ полȣдинокъ, лишь кобъ удатися за вельможу, т. е. пойти на вечерь въ кавїарню.

При першомъ билꙗрдѣ грали два паники, одинъ молодый и ꙗкъ наймоднѣйше прибраный, дрȣгїй старшїй приодеженъ безъ прибаговъ, человѣкъ статочный. Молодый фирцикь не много зважалъ на тое, ꙗкъ и куда справити кулю, щобъ заточила ся на мѣстце правильне, основою цѣлой игры одобрене, но билъ на слѣпо прикладаючись и выкрȣчуючись ꙗкъ найскладнѣйше; ударивши кождого разȣ справлялъ хустку на шїи, и поглажовалъ камизельку. Заедно покликовалъ маркиръ, добуваючи зъ дѣры загнанȣ кулю, и покладаючи єю на старе мѣстце. Много нероботъ и дармоѣдовъ стоꙗло потꙗгаючи оспало зъ люльокъ или цигаровъ школярске кадило, и присмотрювалось грачамъ. Старшїй статочный грачь, то видко былъ человѣкъ не безъ мыслїй, незналъ по штуцерски выкрȣчоватися, алежь натомѣсть гралъ съ помысломъ и учененьемъ.

При второмъ билꙗрдѣ грали два толсти паниска „короля," ꙗкъ мовили щобъ перетравити испанскїй аȣфлаȣфъ и проклаты омелеты. Много надȣвшихся сновалось по комнатахъ, а тїи пренадлежали до тыхъ, которы безъ гроша хотѣлибъ за пановъ уходити.

Пойдемъ ще дальше! по кȣтахъ граютъ въ шахи, варцабы и вирфли; шахи то не пуста игра, та и не пустыи головы до нихъ засѣдаютъ. Въ свѣтлицахъ дальшихъ прибочныхъ пороставленно столы, на нихъ горꙗтъ по двѣ свѣчки, а до окола ихъ по кождомъ боцѣ картари засѣли.

Тутъ граютъ вѣста, тамъ преферанса, тутъ тарока, тамъ въ кȣтикȣ опасного

и газардового макаа. Тихо и молчком кидають карты; досвѣдченный грачь сидить якъ статуа съ холодною кровію загортае штоны, а практикуючи молодики извинають себе майже при концѣ каждой партіи, скоро лишь якъ моклать ошибкою прійдеся имъ разъ или два разы оупасти. Придивившися на черты ихъ блѣдыхъ лицъ, сли есь живописцемъ, можешь сдѣлати великіи студія що до состоянія души, изобразающоѣ ся тѣлесными появами на внѣшность. Є то не малый дивъ, якъ великую власть имѣе грошь, тотъ бренкаючій металь, или тотъ банковый паперецъ на сердце и оумъ человѣка. Бо и зъ зачогожь гайнуютъ дни и ночи, гирятъ здоровлье, якъ не за надѣи, такъ легкимъ способомъ набыти грошей! — Правда! суть которы повѣдаютъ же зъ нуды до картъ засѣдаютъ: будь и такъ! но чижь гралибы, слибы неходило о гроши?

За плечима грачей, которыи въ кутѣ грали макаа, стояло трохъ и присмотривалось, якъ купки банкнотовъ переходили зъ рукъ, якъ покликовано заедно то поцокуючись, то рѣшительно ресто! — Были то тьи самы панкове, которыхъ описалисьмы въ гостинницѣ на галицкой оулицѣ.

— И ще ихъ не видко, шепнулъ одинъ до другого.

— Девятаа вже доходитъ, напомнулъ третій, споглянувши на часоказъ.

— Гумъ! тожь Стулскій на жартъ велѣлъ намъ тутъ ждати, хитаючи головою мовилъ другій.

— Го! го! не бойся не бойся! Стулскій не любитъ жарту, будь кому не дасть пересолзнутися якъ минюхови зъ рукъ рыбара, не то онъ Корнилію, же мовь тела на мотузку ему дае вѣстися, отказалъ третій, и всѣ три вышли зъ кавярни до комнатъ попереднѣйшихъ. Позасѣдали каждый въ инномъ кутѣ, и стали читати газеты. Не минуло и чверть годины, ажь и отворилися подвойны на полъ складны двери кавярни: вошолъ Корнилій, а за нимъ и Стулскій.

— Антоній! чаю! скрикнулъ послѣдный; „а ты знаешь якій мы чай пити навыкли. Хутко Антоній! справся хорошо.

Вѣтромъ кинулся Антоній, а за пару хвиль стоялъ вже чай на не обтяженномъ кругломъ одномъ столику.

Три по кутахъ сидящіи панкове, мругнули не обачь на себе, а Стулскій споглянулъ на нихъ означнымъ глипомъ.

Посвистуючи похопилъ Корнилій за склянку, и надпивши розвалился на креслѣ покликуючи:

— Маркиръ! Антоній! руму! руму!

— Руму! повторилъ сотонько осмѣхнувшися Стулскій, а скоро прискочилъ Антоній, шепнулъ ему щось до оуха.

(П. с.)

Литературны Извѣстія.

* Переводитель Оберона госп. Викторъ Бавaровскій, займаеся отъ нѣсколько времени переводомъ Байронового Хильд-Гарольда.

* Госп. Люд. Мерцбахъ, накладатель времеписи: Przyroda i Przemysł, желае якъ найлучшихъ статей набыти до своего письма. Про тое обътуе за природословне или господарске или промыслове сочиненіе, и то найудачнѣйшое 40, за вторе по найлучшомъ 20, а за трете 10 дукатовъ. Надосланы быти могутъ до I. цвѣтня.

* Польской библіотеки выйшолъ 31, 32 связокъ, межи инными содержае и путешествія князя Льва Сапѣги пословянскихъ земляхъ. (Люмиръ)

* Карамзинову исторію русского государства, перевелъ Константинъ Крокида на новогреческій языкъ. Переводитель свѣдомый ученому свѣту яко сочинитель жизнеописанія патріарха Григорія Царьгородского, которого Бисурмане 1821 р. жесто-

лою смертію умертвили. Къ переводу тому прибавити хоче русску исторію до найновѣйшихъ временъ.

* Г. Езбера перевелъ А. Гильфердинга „Письма о исторіи Болгаръ и Сербовъ" на нѣмецкій языкъ. Переводъ печатанъ буде въ Будишинѣ въ сербской Лужици.

* Въ Липску у Брокгауза выйшло русске лиричне сочиненіе Василія Львовича Пушкина : „Опасный сосѣдъ." Сочинитель е своякъ великого русского пѣвца Пушкина.

(Седмица)

ВСЯЧИНА.

* Одна вдовица по заслуженномъ цѣсарскомъ Урядникy, ходила долго до сенату съ просьбою, щобы ей выдали злишну плату за службу небощика мужа, но всегда говорили ей: прійди завтра! Балакиревъ, надворный урядникъ довѣдался о томъ, пристроилъ вдовицу въ чорну свиту, и назвѣшалъ на ню картинъ съ написомъ : „прійди завтра." Въ такомъ строю поставилъ онъ вдовицу въ сѣняхъ, куда переходилъ царь. Несвычайный появъ тотъ звернулъ прибачность царя, который сей часъ запыталъ, щобы тое означало? „Завтра вашое величество, завтра довѣдаетеся, отказалъ Балакиревъ. „Не завтра, але сей часъ тое желаю знати" отповѣлъ царь. „Войдѣтъ о государь въ сенатъ, запытайтеся госп. совѣтника, а сли онъ не скаже завтра, тожь и гнеть довѣдаетеся що тое означати мае. Доконче захотѣлъ царь довѣдатися, войшолъ въ Сенатъ, и запыталъ совѣтника, чогобы женщина въ чорной свитѣ желала? Совѣтникъ побѣлѣлъ якъ стѣна, и сознaлъ, що вже долго жена тая до сенату ходитъ, але онъ не имѣлъ ще доселѣ часу, щобы ею выслухалъ. Довѣдавшися о томъ, повелѣлъ царь, щобъ вдовицѣ кромъ злишной платы, такожь и гроши, якіи совѣтникъ по царской милости побиралъ выплачено. Отъ сего времени, нечути въ Сенатѣ ни въ инномъ урядѣ : прійди завтра!

* Суть люди, которыи хотѣлибы насиліемъ отобрати человѣку душу, а свѣтови Бога. Мовлятъ они, що одно и друге есть туранъемъ, а же все що дѣеся на свѣтѣ, то дѣесь случаемъ, или слѣдствіемъ силъ физичныхъ. Сопротивъ такимъ мудрагелямъ выступилъ днесь ученый Либиґъ, мовитъ: если мысль и воля человѣка ничимъ иннымъ не есть, якъ слѣдствіемъ фосфору вырабляющого ся въ розумѣ, о колькожь мудрѣйшіи по сему былибы кости, въ которыхъ чотыреста разовъ больше фосфору нежь въ розумѣ ?... Славный проповѣдникъ Пиркеръ мовитъ о томже самомъ предметѣ : „послѣ атеистовъ учинился человѣкъ случаемъ, родина завязала ся случаемъ, народъ розроссся случаемъ. Человѣкъ самъ собою владѣе, а никто не береже его, жадне высше естество не дало ему здобности, якъ только случай. Нема провидѣня, которе бдѣе надъ людьми, кромъ того огника, который въ головахъ ихъ тлѣе.

Такъ то воистинно правлятъ днесь дураки, которыи надъ объемъ черева ничь инного прибачити не могутъ; которыи не знаютъ духа кромъ спиритусового, и того перетравити не могутъ, бо и безъ памяти подъ лаву валятся. Дураки сего роду роятся густо и часто тамъ, где рука надутой и переверщенной цивилизаціи, засадила капустяныи головы пустяковъ мудрующими фоліантами о всемъ, що на свѣтѣ, и надъ свѣтомъ. Суть то недоуки, которыи желаючи приголомшити голосъ совѣсти, запираются достоинства человѣчого. Такихъ то мудрагелей мало межи нами славянами; появляются найбольше межи нѣмцами, и не дивъ! бо нѣмцы самы не знаютъ, якой хапатися вѣры.

* Якъ дуже займаютъ духа майже всѣхъ паризскіи конференціи, можь зъ того познати, що и обыкновенны вещи звертаютъ прибачность многихъ на себе. Гости, которыхъ гр. Валевскій запросилъ до себе на угощенье, съ глубокимъ почитаніемъ войшли въ сенатову салю, и пересмотрѣли не лише золотый каламарь лежащій на столику въ цѣнѣ 16,000 фр. но и пера, которыхъ дипломаты передъ нѣсколько годинъ употребляли. Ба! найшлися и англійскіи сбиратели рѣдкихъ необыкновенностей, которы закуповали и окравки зъ паперу, и пера що подъ столомъ лежали!!!

* Дня 12. т. м. отбылся торжественно похоронъ померщого ревнителя М. Туржаньского, который записавши 10.000 на Институтъ Ставропигіянскій, именно же на убогіи русски сироты, надалъ имъ тѣмъ средства, до образованя — до науки. Всечестнѣйше общество Института Ставропигіянского, именноже препо-

добный господинъ I. Товарнѣцкій, сеніоръ общества тогожь, причинился много со своей стороны до торжественного погребенія тѣла усопшого нашого родимця. Всечестнѣйшій народолюбецъ нашъ госп. кустошь капитулы М. Кузьемскій цельброваль на похоронномъ обрядѣ, всечестный госп. I. Кульчицкій, сповѣдникъ нашого сѣменища, всечест. госп. М. Малиновскій катехета при акад. гимн. чест. господинове, Н. Котлярчукъ проф. руского языка, Валтаровичь, Левицкій и Стефановичъ, оба кооператоре Ставропигіи, такожди и всеч. госп. Пипанъ префектъ сѣменища, вразъ съ 50 питомцями, сопровождали тѣло, при отчитаню 4 евангелій, ажь на кладьбище. Много достойниковъ, и многочисленна толпа народа, слѣдовала за трунвою. Похоронъ отбылся во истинно торжественно: честь и слава Институтови, вѣчная память М. Туржаньскому!..

* Французкіи времепописи оповѣдаютъ одно цѣкавое приключеніе въ St. Germain. Въ одной зъ подальшихъ улицъ сидѣла мати съ дочкою, котора на примѣръ старинной Питіи кождому ворожила. Толпы міру находилися въ комнятѣ вѣщунки. И такъ тяглося тое черезъ часъ долшій, ажь и въ одинъ часъ зажилано, щобъ поворожила во политичномъ взглядѣ. Молода пророчиница крвавую будущность для Франціи преповѣдала такъ, що одинъ изъ присущныхъ перепудившись побѣгъ чимъ скорше ко полиціи; небавко заарештовали матерь и дочку. Тое припоминае и на якогось тамъ Михаила, который передъ нисколько лѣтъ за такіижь самы пророчества изгнанъ былъ изъ Франціи, и по сей часъ въ Англіи пробывае, где великіи фуроры зробляе межи Англичанами.

* Въ Парижѣ зложила одна женщина докторатъ зъ медицины и осѣла въ своемъ родинномъ мѣстѣ Бристоль подъ именемъ Дтр. Елисафета Бльоквель.

* Дня 28 Лют. по лат. м. отбылося въ Празѣ торжество сребрного слюба Его Величиства Цѣсаря Фердинанда, и Ей Велич. Цѣсаревой Маріи Анны Каролины.

* Кромъ строгихъ наказаній, якіи установлены суть на шульеровъ, помнажаются оны чимъ разъ больше а больше. Недавно тому схватано одного въ Б... Заѣхалъ онъ до одной зъ поменшихъ гостинь и гралъ часто що вечера съ гостьми о дурничку. Игра подходила чимъ разъ на больше а больше, божь и зачаенный лестій (Schlaukopf) выповѣлъ собѣ, щобы за выгранны гроши всѣ виномъ честовались. Подобалося тое всемъ гостямъ а подчмалены были бы явно дали обогратися до послѣдного крайцара, но полиція перепенила. Найдено у него значну суму и готовы векслы, которы збанкрутованымъ грачамъ подсилалъ въ опасной хвилѣ. Въ пуляресѣ малъ коньекіи ярмарки списаны.

* Якъ далеко подступила цивилизація и просвѣщенье въ Франціи, видимъ изъ слѣдуючого случаю:

Зъ подъ Севастополя написалъ одинъ воякъ до отца своего селянина, що съ всемъ подерлись ему чоботы, морозъ трищитъ, а и нѣтъ въ чемъ поступити ся. Тожь просилъ и заклиналъ на милость Бога, щобы прислалъ отецъ пару добрыхъ чоботъ. Простодушный селянъ не долго нагадовался, якъ бы то ему послати?! Отъ взялъ пару новыхъ чоботъ, поднесъ жерткою, и поклалъ на телеґрафъ, думаючи що такимъ свѣтомъ якъ найскорше дойдутъ чоботы сына. Скоро лишъ простодушный селянинъ отойшолъ отъ телеґрафу, найшолся и якійсь бѣдный школяръ, который прибачивши добрыи чоботки, знялъ, а на томѣсть повѣсилъ свои дронтивыи. Не бавко надбѣгъ и селянинъ, и якъ же задивовался, коль прибачилъ, що сынъ надислалъ вже и подерты чоботы!!!

* Всечестнѣйшіи отбиратели Зори Галицкой, простятъ, що по вторый разъ опознилисьмы ся и по два числа разомъ посилаемъ. Печаталися тыми днями адрессы, щобъ осунити колько короводовъ съ писаниною. Отъ теперъ часопись наша кождого всеч. господина якъ найточнѣйше буде доходити. Когобы зъ помежи всеч. предплатителей не дойшло число, най благоволитъ надослати нефранковане письмо подъ надписомъ „Reclamation."

* Всечестному госп. М. П. изъ Т. благодаримъ за ласкавую память, радуемъ ся рѣшеніемъ, а надослану намъ статію намѣстимъ въ слѣд. числѣ.

* Послѣ вѣденьского Телеграфа, не платятъ вже во Вѣдни ажіо отъ сребра. Много заплеснѣлыхъ сороковцовъ то змѣшковъ, то зъ панчохъ появляются.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.